

ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ

Клиенты лондонского галериста ДЭВИДА ГИЛЛА утверждают, что шедевры современного дизайна, которые он продает, делают их счастливыми. Впрочем, судя по интерьеру его квартиры на Пикадилли, себя Дэвид тоже не забыл.

ТЕКСТ ОЛЬГА КОСЫРЕВА
ФОТО GRANT SCOTT

LIFE etc. В ГОСТЯХ

Дэвид Гилл, хозяин дизайн-галереи David Gill Galleries, в гостиной своей квартиры в знаменитом «Доме холостяков». Стены 18 века теперь наполнены авангардной живописью и работами самых известных дизайнеров наших дней. Кресло с пуфом для ног King Bonk, дизайн Fredrikson Stallard. На стене — картина американского художника Кристофера Вула.

Гостиная и столовая в доме Дэвида — это сообщающиеся сосуды, и обе эти комнаты «делают» неординарные и неожиданные вещи Элизабет Гаруст и Маттиа Бонетти: журнальный столик Ring из полированной нержавеющей стали, бархатная банкетка и обеденный стол с мраморной столешницей на бронзовых ногах-«кеглях».

Окна гостиной выходят на узкую улочку, где находится магазин Abercrombie & Fitch. Энергичная музыка играет там с самого утра, но Дэвид не в претензии: «Мне тоже передается это настроение, этот молодежный драйв».

«Многие люди живут в интерьерах, где доминируют идеи прошлого. Они живут воспоминаниями. Но нет ничего более увлекательного, чем быть открытым новому: когда смотришься в зеркало современности, живешь с совсем другой энергией».

Дэвид Гилл — настоящий европеец: сын полуиспанки-полуфранцуженки и полуголландца-полуиспанца, он родился в Испании, школу окончил во Франции, а университет — в Лондоне.

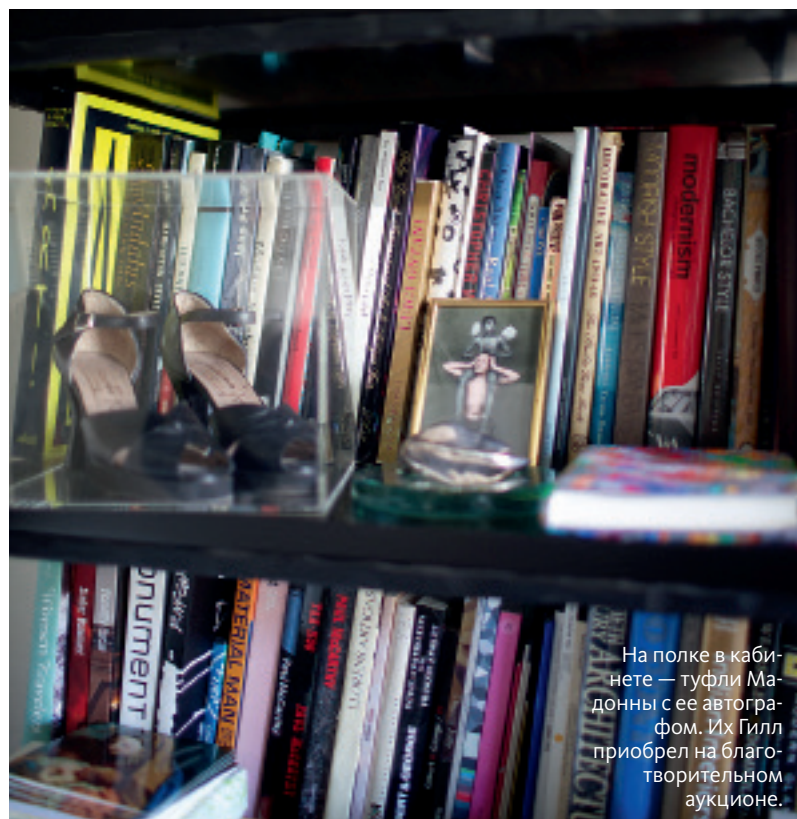
A

lbanу — так называется многоквартирный дом, построенный в 1774 году на лондонской Пикадилли. Его двери до наших дней были закрыты для женщин: исторически в 69 квартирах проживали исключительно холостяки. Сейчас женщинам дано послабление, а вот детям и домашним животным вход сюда по-прежнему закрыт. Представление о том, кто жил здесь в прошедшие двести лет, дают мемориальные доски в центральном холле: лорд Байрон, лорд Литтон (тоже, кстати, писатель), рядом — виконт Алторп, канцлер казначейства Великобритании, и еще десяток-другой аристократов. Среди тех, кто не удостоился мемориальной доски, — парочка премьер-министров, лорд Сноудон и несколько литературных героев не менее безукоризненного происхождения: Джек Уординг из «Как важно быть серьезным» Оскара Уайльда и взломщик-джентльмен Артур Раффлс, герой рассказов Эрнеста Уильяма Хорнунга. Благодаря такому послужному списку здесь до сих пор престижно жить и трудно поселиться — квартиры не выставляются в открытую продажу, а если освобождаются, то пустуют не больше трех дней. Перед покупкой новый хозяин должен пройти собеседование со строгой комиссией, со-

«Осознание того, что у кого-то дома будет жить вещь, которую я люблю, действительно делает меня счастливым. Это не радость продавца, нет, это подлинная радость от того, что кто-то уносит с собой часть меня».

В условном кабинете стол только для красоты: бумажной работой хозяин не занимается, но любит здесь посидеть — почитать или послушать музыку.

На полке в кабинете — туфли Мадонны с ее автографом. Их Гилл приобрел на благотворительном аукционе.

Две фиолетовые кушетки — антикварные, периода ар-деко, и даже обивки сохранились оригинальные.

Маленькая туалетная комната на первом этаже увешана гравюрами и рисунками, в том числе — Сержа Чермаева, русского художника-эмигранта.

На полу рядом с камином — фарфоровая ваза-щенок работы Джеффа Кунса.

стоящей из членов попечительского совета Albany. Ее в свое время прошел и владелец одной из лучших в мире галерей дизайна — Дэвид Гилл.

«Шикарное место!» — говорю я ему, едва перешагнув порог, но уже разглядев бюст Байрона в холле. «Почему бы и нет? — смеется хозяин. — Нет ничего, что вы не могли бы себе позволить иметь. Все зависит от силы вашего желания».

У Дэвида оно, видимо, было огромным. Он лишь усмехается, вспоминая, что теперь его галерея находится бок о бок с Christie's, где он когда-то начинал «младшим помощником старшего дворника» и мог только облизываться на шедевры, которые ему там каждый день приходилось разглядывать и описывать. «Дизайн 20 века» тогда еще не существовал как музейная или художественная категория, но Гилл стал заниматься модернистской мебелью, авторскими предметами, заказывать единичные работы мастерам, которых никто не знал. «В то время я постоянно находился в поиске прекрасных вещей 17, 18 веков, и найти их было очень, очень трудно, — рассказывает Дэвид. — И вот, постоянно задаваясь вопросом, где еще искать красивые вещи, я вдруг понял: не надо искать старое, пришло время создавать новое». Быстро выяснилось, что Гилл может опустошать свою квартиру хоть каждый день — множество его друзей и знакомых постоянно просили продать что-нибудь из найденных предметов и объектов. Но он был так привязан к своим находкам, к своим маленьким шедеврам, что не мог с ними расстаться. И тогда один из друзей сказал ему: «Дэвид, долго это будет продолжаться? Что ты собираешься делать со своей жизнью? Почему бы тебе не заняться этим профессионально?» Гилл подумал: «А почему бы и нет?» — и в конце 1980-х открыл свою первую галерею на Фулэм-Роуд. «Конечно, это был

Вся обстановка в ванной комнате на втором этаже — антикварная, 19 и 20 веков.

Хозяйская ванная состоит из двух комнат: одна собственно ванная, а другая — комната отдыха с кушеткой и туалетным столиком.

Компактная спальня занимает бывшую комнату прислуги, но включает в себя еще и обширный гардероб.

риск, — вспоминает он. — Но когда ты первооткрыватель, ты должен рисковать».

Дэвид немало потрудился, чтобы приравнять объекты дизайна к произведениям искусства. Теперь, когда мир привык к этой мысли и купить стол или шкаф во многих случаях равноценно приобретению авангардного полотна или шокирующей скульптуры, у него в галерее бывают китайские миллионеры и посланцы российских олигархов, сама Мадонна и сэр Элтон Джон, Наоми Кэмпбелл, Мик Джаггер и звездный дизайнер Питер Марино, автор бутиков Louis Vuitton. А также просто красивые девушки, которые ничего не покупают, но утверждают, что вещи в David Gill Galleries заражают их ощущением счастья.

Похожим ощущением заражает окружающих и сам хозяин этого дома. Дэвид — ходячая иллюстрация к выражению «страстный коллекционер». Надо видеть, каким дьявольским огнем загораются его глаза, когда речь заходит о выставке или другой идее, которую он только что обсудил с дизайнером, этим новоявленным (или уже давно признанным) гением: как они найдут какой-нибудь пыльный барочный дворец и развешат на его стенах огромные зеркала

в бронзовых рамах из тысяч сплетенных между собой маленьких крокодильчиков... Представили? А человек этим живет всю жизнь.

И, судя по всему, живет легко и с удовольствием. Быстрым шагом Дэвид пробегает по своей небольшой квартире и взлетает по узкой лесенке на второй этаж, где раньше, «при барах», жил слуга, а теперь у хозяина устроена спальня с ванной. И продолжает сыпать историями и именами. «Вот это кресло раньше стояло в Версале, на нем сидела Мария-Антуанетта. Никогда с ним не расстанусь!» «Это часть коллекции, которую мы сделали с Захой Хадид. О, она потрясающая!» «Это туфли Мадонны, я купил их на благотворительном вечере. На каждой под пяткой есть ее автограф, а она ненавидит подписывать вещи! Когда Мадонна однажды зашла ко мне сюда, то сама их рассматривала с большим интересом, удивляясь: «Точно мои? Я же стараюсь ничего не подписывать!» Но они точно ее, у меня даже сертификат есть».

Помимо туфель Мадонны в его квартире есть сотни предметов, которые хочется рассмотреть, потрогать, а половину унести домой. Все комнаты, даже крошечный гостевой туалет, обставлены, обложены и увешаны произведениями

искусства и объектами дизайна. В гостиной полки Захи Хадид и столик-НЛО работы Элизабет Гаруст и Маттиа Бонетти соседствуют с керамическими скульптурами шутника и провокатора Барнаби Барфорда, над буржуазными бархатными диванами висит «расчлененка» из тех, что проходят по ведомству contemporary art. В кабинете над антикварными кушетками в стиле ар-деко висит птичка на жердочке — тоже современное искусство, между прочим. В столовой стулья в стиле Директории окружают овальный мраморный стол все

тех же Гаруст и Бонетти, а из-за старинного каминного портала выглядит фарфоровая ваза-щенок великого и ужасного Джеффа Кунса.

Я смотрю на всю эту высокохудожественную мешанину эпох, стилей и шедевров, которая отлично устроилась в стенах дома 18 века, и думаю, что это, наверное, и есть настоящий аристократизм: врожденный вкус, смелость и страсть. «А почему бы и нет?» — словно угадав мои мысли, усмехается Дэвид. ■

МИРОВЫЕ ЗВЕЗДЫ ДИЗАЙНА В ГАЛЕРЕЕ ДЭВИДА ГИЛЛА

МАТТИА БОНЕТТИ
«Бонетти и его тогдашняя жена Элизабет Гаруст были первыми художниками, которым я заказал работы для своей галереи. Они сюрреалистичные и эпатажные».

Шкаф Fakir.

ЗАХА ХАДИД
«Мы с Захой сейчас сделали несколько новых столов, и я не могу дождаться, когда они будут закончены. Ее работы — это, знаете, как десерт: очень хочется добавки!»

Стол Dune изготовлен всего в 8 экземплярах.

FREDRIKSON STALLARD
«Я работаю с ними уже почти 10 лет, и каждый раз это поиск новых потрясающих идей, форм, материалов — как порыв свежего ветра».

Стол Aluminium, Series I.

БРАТЬЯ КАМПАНА
«На нашей последней совместной выставке моментально раскупили почти все, даже я сам не удержался и забрал себе домой один маленький столик».

Стол Lupa.